

60 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУКИ (Воспоминания сотрудников института)

ЭНГЕЛЬ ПЕТРОВИЧ КАРПЕЕВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: karpeev25@mail.ru

О Ленинградском отделе ИИЕТ в 1980-е годы (Воспоминания заведующего отделом)

Моя судьба, неожиданно даже для меня, сложилась так, что в сентябре 1977 года меня приняли на должность заведующего музеем М. В. Ломоносова, который тогда входил в состав Ленинградских секторов Института истории естествознания и техники АН СССР. Собственно сектор был всего один — Истории Академии наук и научных учреждений. Двумя другими подразделениями были группа истории технических наук и музей Ломоносова, однако уже намечалась передача Институту сектора истории и теории эволюционного учения. Он до этого находился в Ботаническом институте АН СССР. Но обо всем этом позже, а пока вернусь к истории моего назначения. Я, морской инженер по образованию, специалист в области корабельной энергетики, защитивший кандидатскую диссертацию по проблемам теплопередачи в теплообменниках атомных энергоустановок, около двадцати лет преподавал в Военно-морском инженерном училище и одновременно занимался научно-исследовательской работой по применению магнитогазодинамических генераторов в военно-морском флоте. По этой проблематике сотрудничал с Институтом высоких температур АН СССР и участвовал в конгрессе МАГАТЕ в Варшаве. Все это я пишу для того, чтобы было понятно, насколько сильно я менял свою научную ориентацию, переходя после выхода в отставку, на работу в музей Ломоносова. Правда, меня давно интересовала русская история, и мне показалось интересным попробовать свои силы в совершенно новой области знания.

По рекомендации Б. И. Козлова, руководившего тогда группой истории технических наук, со мной познакомился директор ИИЕТ, член-корреспондент АН СССР С. Р. Микулинский, а также приехавший в Ленинград представитель идеологического отдела ЦК КПСС. По всей вероятности, беседа со мной произвела на обоих благоприятное впечатление, поскольку вопрос о моем назначении заведующим музеем был положительно решен, и я начал работу в этой должности. Не стану описывать трудностей, которые возникли у меня в отношениях со старыми сотрудниками музея — для них я был чужаком, к тому же отставным военным, которых не очень любили в академической среде. Но постепенно все налаживалось, поскольку я старался как можно больше учиться у них и серьезно занялся вначале изучением пробелов в биографии М. В. Ломоносова, а затем — и в его научном наследии. В разгар этой работы, полугодом позже, меня пригласил в Москву директор института и предложил возглавить вновь образуемый Ленинградский отдел с включенным в него сектором истории и теории эволюционного учения. Из благодарности к взявшему меня на работу С. Р. Микулинскому я согласился временно исполнять эти обязанности одновременно с руководством музеем. Директор обещал подобрать на эту должность более подходящую кандидатуру, и я стал врио. Впоследствии еще раз убедился, что самыми длительными у нас в стране являются временные решения: я оставался в таком служебном положении почти до конца восьмидесятых годов. При этом исполнял обязанности заведующего Отделом на общественных началах, поскольку получал зарплату только как заведующий музеем.

Теперь расскажу, как началась моя работа во вновь созданном Ленинградском отделе института. В нем к перечисленным выше научным подразделениям добавился сектор истории и теории эволюционного учения. Сектор истории АН и научных учреждений возглавлял прекрасный ученый, давно работавший по этой тематике, доктор исторических наук Анатолий Васильевич Кольцов. Сведения о нем приведены в брошюре в серии, посвященной историкам науки и техники¹, поэтому я добавлю лишь несколько штрихов к портрету этого ученого. Анатолий Васильевич был скромнейшим человеком, он тяготился любой административной работой и все свои недюжинные способности направлял на научную работу, главными темами которой были история создания Академии наук и история академической науки в советское время. К числу его способностей, которые я назвал недюжинными, отнес бы очень важное для историка свойство — великолепную память. К нему можно было обратиться с любым вопросом по упомянутой тематике и получить совершенно четкий и верный ответ. А длительная работа в области истории академической науки наделила его таким опытом, не воспользоваться которым было бы настоящей глупостью, и я в течение всей своей деятельности в качестве руководителя Отдела всегда советовался с ним и, по возможности, следовал его советам.

Другой сотрудницей Сектора, к которой я с самого начала почувствовал искреннюю симпатию и уважение, была Юдифь Ефимовна Копелевич. Я намеренно оставляю таким ее отчество, поскольку привык к нему и не хотел бы изменять своей привычке. Она прошла всю Отечественную войну, работая в госпиталях, в том числе и полевых, а затем уже в академическом институте проявила свои способности в немецком и особенно латинском языках. Это помогло ей в работе с архивными доку-

---

¹ Анатолий Васильевич Кольцов. Материалы к биобиблиографии историков науки и техники / под ред. Э. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 38.

ментами XVIII века и дало возможность стать ученым достаточно широкого профиля. Ее книга «Основание Петербургской академии наук» стала основным, если не единственным классическим источником для всех пишущих о начальном периоде истории АН. Я обязан Юдифи Ефимовне в первую очередь тем, что она очень доброжелательно, но настойчиво говорила мне о моих промахах и ошибках, неизбежных для человека, попавшего в другую интеллектуальную среду и не имеющего опыта руководства академическим коллективом. Ощущая свое незнание латинского языка, я попросил Юдифь Ефимовну познакомить меня и всех других желающих с его основами, и два года мы по средам учились у нее. Попутно мы переводили на русский (опубликованные только на латинском) протоколы заседаний Академии наук начального периода. И я очень жалею, что эта работа так и осталась неоконченной. В этом виноват и я, поскольку «дни довлеет злоба его», другие заботы отвлекли от этой темы.

Продолжая рассказ о Ю. Е. Копелевич, мне хочется отметить ее активное сотрудничество со Швейцарским обществом естествоиспытателей в издании полного собрания сочинений Леонарда Эйлера. В этой работе принимала участие и единственная в Отделе историк математики Е. П. Ожегова. Исследовательница Диофантовых уравнений, она была автором книг о математиках А. Н. Коркине, Е. И. Золотарева и Шарле Эрмите. Внешне непримечательная, но хороший специалист и трудяга, она вместе с Копелевич взялась за сложную работу по созданию справочника о западноевропейских и американских академиях наук. Они списались почти со всеми академиями и, получив объемный материал, создали очень нужную книгу. Помогая им в этой работе, я узнавал много нового для себя и втягивался в профессию историка науки. Так, читая рукопись еще одного сотрудника сектора, возглавляемого А. В. Кольцовым, Н. Г. Суховой, которая специализировалась на истории географии и готовила монографию о Карле Риттере, я открыл для себя, что география является не только описательной наукой, но имеет и теорию. Надо сказать, что таких открытий за время работы во главе Отдела было немало, что делало эту работу не столько обременительной, сколько очень интересной.

Другой заметной сотрудницей этого сектора была Н. И. Невская. Она по-женски была «влюблена» в своего героя — академика и первого в России ученого астронома Жозефа Николя Делиля, и в начальный период моей работы в Отделе заканчивала работу над монографией «Петербургская астрономическая школа XVIII века». Когда мы на совете Отдела решали вопрос об издании этой книги, я не увидел в ней ничего «крамольного», и книга вышла в свет. Позже я расскажу, какие события последовали после этого, а здесь отмечу, что классическая работа Нины Ивановны до сих пор остается, пожалуй, единственным источником по начальному периоду истории отечественной астрономии.

В. Н. Макеева, одна из старейших научных работников Сектора, принимала участие в подготовке «Истории Академии наук» и, насколько я помню, изучала естественнонаучные работы декабристов, сосланных в Сибирь, и в частности — рукопись Г. С. Батенькова «Гусиное озеро». Но ее важнейшей и наиболее известной работой была книга «История создания “Российской грамматики” М. В. Ломоносова». Валентина Николаевна долгое время была секретарем партийной организации Отдела. В этой своей ипостаси она блюла установку на национальную чистоту его кадров, переходя иной раз за пределы здравого смысла. Так, она сообщила мне, что новая лаборантка Кузнецкая Ольга Борисовна явно скрывает свое, скажем так, нерусское происхождение, ибо у нее подозрительное отчество. Правда, в середине 1980-х годов В. Н. Макеева ушла на пенсию.

Еще один сотрудник Сектора — Е. В. Соболева, специалист по организации науки в России XIX века, отличалась «активной жизненной позицией». Она входила во все подробности жизни Отдела и сообщала их в своей интерпретации напрямую в Москву в Институт. Мне поэтому часто приходилось объяснять директору истинное положение вещей.

К. Г. Большакова по заданию Дирекции института в то время собирала сведения о памятниках научной деятельности, которые еще сохранялись в нашем городе, но эта работа, естественно, была не под силу одному человеку, и она потихоньку заглохла. Меня вообще удивляло многообразие научной тематики Сектора, да к тому же и само планирование научной работы, когда каждый исследователь сам предлагал тему и она, как правило, утверждалась в качестве плановой. Мне, привыкшему к тому, что в рамках общей перспективной темы исследований намечались темы работ сотрудников, это казалось не совсем правильным, но, считая, что я все-таки временный руководитель Отдела, я не решался менять сложившуюся в Институте практику. К тому же любая из тем сотрудников в принципе отвечала общему направлению изучения истории науки и техники.

Был еще один сотрудник в Секторе, не стану назвать его фамилию, который интересовался, якобы в научном смысле, местами старых разработок золота в Сибири. Он даже съездил в Сибирь за свой счет и, по всей вероятности, сумел узнать, что золотодобытчики как бы «снимали пенки» с месторождения. Вскоре после возвращения из своей поездки он попросил командировку в Польшу, но я косвенным образом знал, что оттуда он хочет эмигрировать в США, поэтому командировку мне посоветовали не разрешать, но не указывать мотивов решения. Это вызвало возмущение в Секторе, и на меня в очередной раз пошла жалоба в Москву. Однако пока разбирались с нею, сотрудник сумел оформить выезд в США, и вскоре, не предупредив меня, улетел в Америку. Я пишу об этих событиях только для того, чтобы показать, в каких условиях в то время приходилось работать.

Была еще одна сторона работы, заключающаяся в том, что в Отдел направлялись люди, освобождаемые с других мест работы или назначаемые по просьбам академиков. Например, в Секторе оказался бывший сотрудник Ленинградского управления Академии наук Б. Д. Лебин, которого потребовалось удалить из ЛАХУ. В состав Сектора позднее был назначен А. Вассоевич, за которого просил его родственник — член Академии наук.

А. В. Кольцов в течение долгого времени руководил обязательным в то время методологическим семинаром Отдела, и, надо сказать, семинар очень часто бывал по-настоящему интересным. На нем рассматривались те достижения науки, которые были интересны для всех его участников. Вспоминается, что мы на этом семинаре обсуждали книгу И. Р. Пригожина «Порядок из хаоса» или, например, вводимое тогда французской «Школой анналов» понятие ментальности. Очень информативными были выступления сотрудников Сектора истории и теории эволюционного учения, которые знакомили слушателей с некоторыми общенаучными вопросами их тематики.

С книгой Кирилла Михайловича Завадского² я познакомился задолго до работы в институте. Я с большим интересом прочел ее и узнал совершенно неожиданную

² *Завадский К. М.* К проблеме прогресса живых и технических систем // Теоретические вопросы прогрессивного развития живой природы и техники. Л., 1970.

для себя идею об эволюции в технике, которая привела к появлению совершенно не имеющих аналогов в природе технических устройств, таких как, например, современный самолет. Придя в Отдел, я узнал, что Кирилл Михайлович, к сожалению, вскоре умерший, в свое время сформировал и возглавил Сектор истории и теории эволюционного учения. Он был блестящим ученым, который, по мнению А. Б. Георгиевского, внес «выдающийся вклад в познание истории мировой и отечественной эволюционной мысли, показал главные направления развития дарвинизма, критически глубоко проанализировал другие эволюционные концепции».

Другим выдающимся ученым, который вошел в состав этого Сектора (в Ленинградском отделении ИИЕТ он работал с 1957 г.) был биолог-генетик, историк европейской науки Иван Иванович Канаев (1893—1984). Сразу же после перехода в ИИЕТ он выпустил в свет в своем переводе избранные труды Гёте по естествознанию. Позднее написал книги о К. Л. Бюффоне (1966), о Френсисе Гальтоне (1972) и о Жорже Кювье (1976). Последние годы он болел и работал дома и после выхода на пенсию вскоре умер.

Александр Борисович Георгиевский уже при мне перебрался из Новгорода в Ленинград и в 1980 году был избран заведующим Сектором истории и теории эволюционного учения. Ученик Завадского, специалист по проблемам эволюционной адаптации, он также уделял внимание пропаганде эволюционного учения и в 1985 году издал книгу «Дарвинизм». Александр Борисович — человек не менее скромный, чем А. В. Кольцов, и так же, как и тот, не любивший административной работы, руководил сектором «очень скромно», однако в нем работали ученые высокого уровня, и этот стиль руководства не отражался на качестве исследований. Среди сотрудников сектора выделялся Даниил Владимирович Лебедев. Он прошел всю Отечественную войну и отличался прямотой отношений и независимостью взглядов, чем не раз помогал мне в моей работе. Не имея ученых степеней, он был ученым секретарем Комиссии АН СССР по изучению научного наследства Н. И. Вавилова и автором книги «Очерки по истории ботанической историографии в XIX — начале XX в.» (1986). Даниил Владимирович хорошо чувствовал современные веяния и в свое время предложил мне идею создания Ломоносовской энциклопедии, за что я ему остаюсь и ныне благодарным. Если я не ошибаюсь, он же первым высказал мысль о создании Летописи истории Академии наук.

Ксения Викторовна Манойленко посвятила свою научную деятельность исследованиям в области истории ботаники и развития эволюционных аспектов физиологии растений. Ее классическими трудами стали «Развитие эволюционного направления в физиологии растений» (1974), «Эволюционные аспекты проблемы засухоустойчивости растений» (1983). Она создала целый ряд биографий отечественных ученых, работавших в этих научных направлениях. Мне она представлялась очень миролюбивым человеком, обладающим не только большими знаниями, но и прекрасными нравственными свойствами.

В этом секторе работала также Татьяна Аркадьевна Лукина, автор книги «Мария Сибилла Мериан» (1980) и биографических произведений о А. П. Протасове и И. И. Лепехине — двух русских академиков XVIII века. Она не очень вписывалась в тематику сектора и вскоре ушла на пенсию. Другая сотрудница — Л. Н. Хахина, автор книги «Проблема симбиогенеза» (1979), принадлежала к числу учениц К. М. Завадского. Она отличалась живостью характера и была активной участницей жизни Отдела.

У Я. М. Галла научные интересы связаны с эволюционной биологией. Он занимался изучением творчества Ч. Дарвина, Дж. Хаксли, Г. Ф. Гаузе, В. И. Вернадского, Н. К. Кольцова, И. И. Шмальгаузена и др. Вместе с академиком А. Л. Тахтаджяном он готовил к новому изданию «Происхождение видов» Ч. Дарвина.

Самым молодым сотрудником сектора был С. А. Орлов. Я сейчас не могу вспомнить ничего о его научных интересах, скажу только, что он после В. Н. Макеевой стал секретарем партийной организации Отдела и мы с ним, в частности, должны были обеспечивать требуемую норму выхода сотрудников Отдела на праздничные демонстрации.

И, как говорится, «на сладкое» я припас Эдуарда Израилевича Колчинского. Он был самым верным учеником К. М. Завадского и, как мне представляется, самым талантливым. Невероятно трудоспособный и целеустремленный, он был основной фигурой Сектора и руководителем профсоюзной организации Отдела. Честно говоря, я не припомню каких-либо конфликтов с ним в этой его ипостаси. Мы, как правило, находили общий язык, несмотря на то, что Эдуард Израилевич обладал повышенной эмоциональностью и был достаточно неуступчив. Что же касается его научной деятельности, то в ней заметно проявлялась его способность широко, я бы сказал философски, смотреть на исследуемые проблемы, что выделяло и выделяет его ныне. Широкой была и область его научных интересов, к которым относились проблемы детерминации органической эволюции, эволюции факторов и причин эволюции органического мира, эволюции биосферы, истории развития эволюционной теории в России и многие другие. Одновременно с научной работой Э. И. Колчинский долгое время преподавал в Санкт-Петербургском государственном университете. Все эти стороны своей деятельности он сохранил и поныне в должности директора филиала Института.

В 1954 году, то есть почти сразу же после создания Ленинградского отделения Института, в нем стал работать Алексей Петрович Мандрыка. Именно им было положено начало тому направлению, которым вскорости занялась группа истории технических наук. В 1975 году вышла в свет его фундаментальная монография «Взаимодействие механики и техники (1970–1990)». Алексей Петрович мне показался совершенно феноменальным человеком, когда я узнал, что он слепой продолжал активную научную деятельность. До своей кончины он сумел создать еще две книги — «Аэродинамические лаборатории Петербурга» (1980) и «Очерки развития технических наук. Механический цикл» (1984).

Группу возглавил Б. И. Козлов, в ней работал еще и Я. Г. Неуймин. Позднее в нее вошли специалисты по истории античной науки Л. Я. Жмудь и истории кораблестроения И. Ф. Цветков. Назову основные работы группы того времени — «Модели в науке и технике» Я. Г. Неуймина и «Возникновение и развитие технических наук: опыт историко-теоретического исследования» Б. И. Козлова. Научная деятельность двух других членов группы в полной мере развернулась уже после моего ухода с поста заведующего Отделом. В 1984 году по просьбе тогда вице-президента АН СССР академика А. Л. Яншина в группе появился новый научный сотрудник А. И. Мелуа, занимавшийся некоторыми проблемами космонавтики. В 1985 году он, к сожалению, не без моего содействия, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную корректировке с помощью авиации географических карт, полученных с космических станций. Впоследствии он продолжал работать в области истории космонавтики.

Около двух лет в составе этой группы работал видный советский социолог Владимир Александрович Ядов, который позже в 1988 году был избран директором Института социологии АН СССР. Другим социологом в Отделе был специалист в области социологии науки С. А. Кугель. Он работал совершенно автономно от всех других подразделений отдела. Не могу не сказать, что руководить таким разнообразным по тематике научным учреждением было очень трудно. Поэтому я даже не пытался освоить азы социологии. Хотя во время работы в Отделе всячески пытался познакомиться хотя бы с философией науки и читал труды Т. Куна и И. Лакатоса и знакомился с идеями К. Р. Поппера. Но, естественно, основное внимание уделял изучению биографии и научного наследия М. В. Ломоносова, мемориальным музеем которого взялся руководить. В это время сотрудницы музея работали над подготовкой к изданию 11-го дополнительного тома Полного собрания сочинений Ломоносова, завершеного в 1959 году. Я стал помогать им в этой работе, но, к сожалению, в это время помещения музей подверглись наводнению и пожару. Однажды ночью в зале четвертого этажа Кунсткамеры (музей располагался в башне этого здания на третьем, четвертом и пятом этажах) в батарее парового отопления откололся кусок чугуна, довольно большого размера, и горячая вода полилась вниз в зал, где располагалась экспозиция, посвященная жизни Ломоносова. Помещение не только залило водой, но и заполнило паром, от чего пострадали многие экспонаты и покорежился паркетный пол. Но этого мало. Когда заканчивался ремонт паркетного, пола и работала циклевочная машина, искра от нее ночью вызвала пожар, который заметили только рано утром, приехавшая пожарная команда залила при этом зал, и восстановление началось снова. Не нужно описывать, сколько времени и сил ушло на восстановление экспозиций музея.

Надо сказать, что музей требовал постоянного внимания и заботы. Когда в коллекционной мебели появились древесные жучки, потребовались новые усилия по их уничтожению. Пострадавшую мебель нужно было везти в фумигационную камеру и, как водится у нас, *доставать* фумигационный газ. Постоянную заботу вызывали ежегодные стирки оконных маркиз, покрытие пола лаком, уход за коллекционными люстрами, а буквально головную боль — сохранение и реставрация Большого Готторпского глобуса, помещенного в послевоенное время в пятом этаже башни Кунсткамеры. Это помещение совершенно не годилось для хранения такого сложного и старого экспоната. Через щелястые рамы в него в дождливые дни лилась вода, размывая красочный слой, а температура и влажность в зале менялись с такой амплитудой, которая самым негативным образом отражалась на глобусе. На влажных стенах отслаивалась и разрушалась штукатурка. В одну очень дождливую осень я обратился за помощью в райком партии, где секретарь райкома мне посоветовал как-нибудь выйти из положения, ибо у него текут крыши многих домов Васильевского острова. Мне пришлось нанять фиктивную лаборантку (уж и не упомяну по чьему совету, сам бы я до этого не додумался), а выписываемую ей зарплату пустить на бетонирование пола шестого этажа, где скапливалась дождевая вода и откуда текла на глобус. Тут же из Отдела последовало сообщение в контрольно-ревизионное управление о нарушении мною финансовой и административной дисциплины. На разбирательстве этого события в партбюро Отдела я сказал, что спасал национальное достояние и готов понести любое наказание, — оно ничто по сравнению с тем, чего я добился. Выговор без занесения в личное дело райком партии не утвердил. Тем временем в музее проводились ежегодные Ломоносовские заседания, а через

некоторое время еще и постоянно действующий семинар по истории отечественной культуры и науки. Со всеми этими делами и хлопотами помогали мне справляться сотрудники музея И. В. Бренева, А. Н. Калинин, Т. М. Моисеева и немного позднее Э. Ринкон-Поса. За это время мы подготовили к изданию еще два тома традиционных «Сборников статей и материалов. Ломоносов». Вместе с Н. В. Соколовой и Р. Б. Городинской подготовили и сумели издать иллюстрированный набор планшетов, который позволял создавать в школах и учреждениях небольшую выставку, посвященную Ломоносову (этот альбом был издан большим тиражом, который раскупили в несколько дней). Но самым большим событием этого периода было празднование 275-летия со дня рождения М. В. Ломоносова в 1986 году. Директор института С. Р. Микулинский, предвидя дальнейшее развитие событий, высказал идею о таком праздновании, и мы с ним включились в работу по его подготовке — он в Москве, я в Ленинграде. По его же инициативе, предполагалось воссоздать на сохранившемся участке химическую лабораторию М. В. Ломоносова. В связи с этим пришлось, во-первых, добиваться решения Ленгорсиполкома о передаче этого участка и двух зданий, находящихся на нем, Ленинградскому хозяйственному управлению АН СССР, во-вторых, организовать раскопки фундамента лаборатории и, в-третьих, принять серьезное участие во всех мероприятиях, связанных с созданием памятника Ломоносову на Менделеевской линии. В результате этот юбилей стал действительно праздником русской науки, чего не скажешь, о, мягко выражаясь, бесцветном праздновании 300-летия со дня рождения Ломоносова в 2011 году.

Здесь я хочу отметить, что большую помощь музею оказывали молодые сотрудники секторов Отдела: А. Б. Георгиевский, Э. И. Колчинский, С. А. Орлов, М. Ф. Хартанович. Они не только подготовили и проводили экскурсии в музей, но и помогали в ликвидации последствий аварий в помещениях музея, а также участвовали в подготовке и проведении празднования 275-летия Ломоносова.

При мне ученым секретарем Отдела достаточно долго был Борис Ильич Иванов. В ЛО ИИЕТ он работал с 1969 года и за это время подготовил в соавторстве два научных издания (Специфика технических наук. 1974; Становление и развитие технических наук. 1977), став специалистом по истории технических наук. Он был незаменим при организации и проведении организуемых Отделом ежегодных научных конференций Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники. Эти конференции концентрировали вокруг секторов Отдела многих ученых, работающих в других научных организациях или даже любителей. Одним из них, например, был очень энергичный автор научных биографий — Грант Константинович Цварава. Он жил в Бокситогорске, но активно сотрудничал с Сектором истории.

Теперь, в заключение, о взаимодействии Отдела с Институтом в Москве. Со временем меня ввели в состав ученого совета Института, и я, по необходимости, участвовал в заседаниях дирекции. В результате частых личных контактов с руководством и сотрудниками мне удавалось достаточно оперативно решать возникающие проблемы. Но бывали и трения. Так, когда однажды я представлял на совете книгу Н. И. Невской, одна из влиятельных сотрудниц (жена управляющего делами Президиума АН СССР) обрушилась на меня за то, что я представил книгу, где выпячена роль академика Ж. Н. Делиля, а Ломоносов остался недооцененным. Мои объяснения не были приняты, и было решено, чтобы я на заседании Сектора указал ей на это. Проформы ради я это выполнил, — на этом, правда, всё и закончилось.

Был еще один подобный случай. На одном из заседаний семинара по истории отечественной культуры и науки выступал приглашенный мною известный историк И. П. Шаскольский, который очень мягко доказал, что в «норманнском вопросе» Ломоносов был не совсем прав. На этот раз сотрудница ИРЛИ (Пушкинский Дом) Г. Н. Моисеева, присутствовавшая на заседании, сообщила академику Б. А. Рыбакову о том, что в Ленинградском отделе «развенчивают национального гения». Рыбаков по телефону попросил С. Р. Микулинского разобраться в этом деле, и на очередном заседании ученого совета Института директор устроил мне «публичную порку», не дав выступить с какими-либо объяснениями. Что поделаешь, в то время такие обвинения могли повредить идеологическому имиджу Института.

После ухода С. Р. Микулинского с поста директора ИИЕТ в 1987 году директором стал В. С. Степин. К этому времени и я стал уставать от руководства Отделом, а поскольку с новым директором мы не нашли взаимопонимания, я отказался от этой должности и остался только заведующим музеем. Но это уже другая история.

КСЕНИЯ ВИКТОРОВНА МАНОЙЛЕНКО

доктор биологических наук,
ведущий научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Совместные усилия...

В потоке современной жизни с ускоренным бегом времени юбилейные даты дают возможность замедлить ход текущих дел и обратиться к прошлому. В своей сущности всякий юбилей — отрадное событие. Не зря традиция их проведения сложилась в давние времена. Издревле и в разных странах отмечались юбилейные даты научных и образовательных учреждений, обществ, знаменитых ученых. В истории XIX и XX веков сохраняются сведения о юбилейных торжествах в России и мире. Уже и текущий XXI век оставил след проведением широких мероприятий, связанных с юбилеями В. И. Вернадского, Ч. Дарвина, М. В. Ломоносова.

В ряду менее известных широкой общественности юбилейных дат, но также важных для науки и ее развития, — 60-летие с момента основания Санкт-Петербургского филиала (в прошлом Ленинградского отделения) Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

С этим научным учреждением автора связывают многие годы — более 55 лет деятельности исследовательской и научно-организационной. И всё это время стимулирующим началом было осознание значимости Института, проводимых в нем историко-научных исследований. Об актуальности и ценности последних неоднократно убедительно писал В. И. Вернадский: «В старине всегда новизна слышится»